

ВЛИЯНИЕ БОЛЕЗНЕЙ И ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ НА НАСЕЛЕНИЕ ЕВРОПЫ В XVIII в.

Л. Я. Климутъ

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и философии
Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

Окружающая среда представлялась людям XVIII века в целом враждебной. Негативное восприятие реальности усугублялось проблемами, с которыми приходилось сталкиваться, такими как болезни, силы природы и коллективные страхи, и для которых не было адекватных решений. Тем не менее наблюдаются попытки улучшить существование человека в этой враждебной среде при помощи доступных для указанного времени мер.

Ключевые слова: население, XVIII в., болезни, демографические факторы, окружающая среда.

Введение

XVIII век был не простым для жизни людей, а точнее сказать, для их выживания. На сегодняшний день и отечественные, и зарубежные ученые опубликовали обширные статистические данные по разным регионам, а также представили ряд обобщающих работ по демографии в целом и по XVIII в. в частности. Поэтому в представленной статье предлагается не повторять основные выводы по демографическому положению в XVIII в., а посмотреть на те факторы, которые отягощали жизнь человека и усложняли ее. В качестве вводной ремарки хотелось бы отметить, что статья концентрируется на мрачных аспектах жизни XVIII в., что не означает, что это были единственные ее аспекты. Безусловно, как и в любом историческом периоде, здесь были свои достижения и свои проблемы. Именно проблемы, влиявшие на демографию XVIII в., анализируются ниже.

Основная часть

Уязвимость человека, к сожалению, оставалась присуща XVIII веку, как и предыдущим периодам. Весь набор бедствий, которые могли затронуть людей и общины, показывают хрупкость человеческого существования и слабость ответа на них, которой могла предложить община. Серьезные болезни переносились тяжело. Единственными болеутоляющи-

ми были опиум и алкоголь, а дешевый лауданум – препарат, содержащий опиум, – был широко применяемой панацеей. Много женщин умирало при деторождении, что разрушало семьи.

Сельскохозяйственный труд был тяжелым: от восхода до заката зимой и с шести утра до шести вечера летом (и позднее, если была такая необходимость). Рыбалка тоже была опасной. В производстве многие рабочие места были влажными, плохо вентилируемыми и/или плохо освещенными. Наличие взрывоопасного газа в шахтах делало опасным использование свечей. Горняки болели пневмокониозом, нистагмом, ревматизмом, они были подвержены преждевременному старению, и у них была низкая продолжительность жизни. Работа на строительстве также была очень опасной.

В 1705 г. в Англии был опубликован «Трактат о профессиональных болезнях» Бернардино Рамаццини, профессора медицины в Падуе. Рамаццини исследовал связь между болезнями и профессиями, и его книга открывала серьезные последствия труда в то время, когда мало понимали, что такое здоровое и безопасное рабочее место [1, с. 70–71]. Рассказ Рамаццини о болезнях химиков, рыбаков, банщиков, виноделов, табачников, прачек, о чахотке, которой заболевали каменщики и горняки, о проблемах с глазами у позолотчиков и печатников, о радикулите у портных и летаргии у гончаров показывают опасный характер производственной деятельности до появления фабричной системы. Тем не менее понятия охраны здоровья и труда на рабочих местах еще не существовало.

Медицина мало могла помочь с этими и другими проблемами, поскольку медицинские знания были недостаточными и не было квалифицированных практиков. Врачи концентрировались в городах. В Гронингене в конце XVIII в. было 30 врачей на 20 000 жителей, но во многих регионах врачи были редкостью, даже когда люди могли позволить себе их услуги. Так, в Нидерландах в сельских провин-

циях в среднем был один врач на 1400 – 1700 жителей. Во Франции к концу XVIII в. было всего лишь 1300 медиков. В Париже с населением в 600 000 было 153 врача [2, с. 197]. Хирургия была примитивной и выполнялась без анестезии. Не было эффективного медицинского лечения сыпного и брюшного тифа и дизентерии.

Не более эффективной была медицина и в отношении болезней животных. Это могло иметь серьезные экономические последствия и показывало, что правительства были ограничены в своих действиях. Больных животных убивали, их передвижение запрещали. В 1747 г. Венеция закрыла границы для торговли скотом [3, с. 51]. Эффективность принимаемых мер различалась. Некоторые австрийские историки указывают, что эффективные меры Габсбургов по нераспространению чумы во время австро-турецкой войны 1788–1791 гг. спасли Европу [4]. Но австрийцы не смогли предотвратить эпидемию, забравшую много лошадей кавалерии в Венгрии в 1788 г.

Болезни животных могли иметь серьезные экономические последствия и в краткосрочной, и в долгосрочной перспективе. Эпидемия чумы крупного рогатого скота, обрушившаяся на скотоводов Фрисландии и Гронингена на севере Нидерландов, привела к переходу к производству зерна во второй половине XVIII в. [5]. Вспышки болезней крупного рогатого скота могли нанести ущерб местному сельскому хозяйству, как это было в Гольштейне в 1764 г. и в Беарне в 1774 г. [6]. Также из-за них росли цены на привозное мясо, но это говорит и о развитии экономических связей между отдаленными регионами. На положение индивидуального собственника влияла враждебная и непредсказуемая природа, т.е. силы, которые нельзя было ни предотвратить, ни умиротворить, когда усилия многих лет исчезали в одно мгновение. Границу между бедностью и нищенством можно было пересечь быстро и легко.

Климат тоже был проблемой. В целом климат, наверное, стал более благоприятным: более теплое и сухое лето было хорошо для урожая. Повышение средней августовской температуры, возможно, частично способствовало снижению смертности от бактериальной дизентерии. И все же на индивидуальном уровне капризы климата могли быть серьезной проблемой, тем более что возможности противодействия оставались ограниченными.

Опасность людям несли наводнения. Поч-

ти по всей Европе уровень рек не регулировался системой дамб и резервуаров, а укрепление берегов было неадекватным или не существовало. Уязвимыми были такие прибрежные регионы, как Фрисландия, и размещение крупных городов на морском побережье или на берегах рек имело свои последствия. Когда в декабре 1763 г. вода в Роне поднялась, две трети Авиньона ушло под воду. Тысячи голов скота погибли, когда были прорваны голландские дамбы зимой 1725–1726 гг. Зимой 1787–1788 гг. ливни и наводнения смыли большую часть посевов зерна в Саксонии.

С другой стороны, существовала и проблема засухи, влиявшая на снабжение водой, сельское хозяйство, речной транспорт и основанное на водной энергии производство. Она несла угрозу голода, как в Женеве в 1723 г., и ущерб конкретным культурам, как виноградарикам Бургундии в 1778 г. Альтернативным воде источником энергии был ветер, но ветряные мельницы страдали от бурь. Однако, на взгляд исследователей, засухи все же не приводили к масштабному голоду, если только не случались несколько лет подряд [7].

Естественно, что сельское хозяйство было уязвимо перед погодой. Улучшенных сортов сельскохозяйственных культур было немного, а из-за дождливых зим посевы были болезненные и набухшие; поздние заморозки вредили пшенице. Опасность несли и многие другие явления человеческого окружения. Покрытые соломой здания были благоприятной средой для различных вредителей, к тому же такие здания были огнеопасными, и не в последнюю очередь потому, что часто в них не было дымоходов. С трудностями сталкивались попытки осушить малярийные низменности на юге Европы. В целом проще было придерживаться традиционных ареалов расселения и хозяйственной деятельности, чем бороться с могущественной природой.

Опасность могли принести и контакты между людьми и дикими зверями. Волки и медведи, которые могли напасть на людей и домашних животных, были проблемой не только в горных регионах. Волки были серьезной угрозой возле Санлиса к северу от Парижа в 1717 г. и на юго-западе Франции в 1766 г. [8, с. 118]. Людям буквально приходилось в жестокой борьбе отвоевывать у животных контроль над альпийскими пастбищами.

Но и другие животные несли проблемы. Отсутствие пестицидов и трудности с защитой урожая и его хранением ухудшали ситуацию.

Мыши и крысы уничтожали много продуктов и культур, нашествие мышей катастрофически сказалось на урожае в Восточной Фрисландии в 1773 и 1787 гг. Когда саранча из Богемии и Венгрии двинулась на Вену в 1749 г., в этом усмотрели проявление гнева Божьего и было приказано проводить публичные молитвы.

К угрозе от реальных животных добавлялся страх перед воображаемыми существами. Рассказывали о странных зверях, нападавших на людей. Самым знаменитым примером может быть Жеводанский зверь во Франции в середине 1760-х гг. Народные сказки, библейские и классические авторитеты, постоянные находки в земле гигантских костей привели к вере в гигантов, поддерживаемой многими клириками.

Сохранялась вера в ведьм. В Англии последний зафиксированный суд над ведьмой состоялся в 1717 г., где жюри присяжных признало обвиняемых невиновными, несмотря на показания 25 свидетелей. А вот в польской провинции Мазовия в первой четверти XVIII в. охота на ведьм достигла пика [9, с. 268]. Официальное окончание судов не означало прекращение веры в ведьм среди населения, которое по-прежнему продолжало обвинять в своих несчастьях потусторонние силы и тех, кто с ними контактировал.

В середине XVIII в. шли непрекращающиеся споры о ведьмах, магии и вампирах, особенно в Италии и Франции. Продолжающиеся публикации на эту тему говорят о сохранении интереса к оккультному и вере в потусторонние силы, как правило, враждебные для людей. Король Британии Георг II верил в вампиров. Книгу А. Кальме «Трактат о явлении духов», в которой уделяется достаточно места вампирам, с одной стороны, критиковали, но также и часто цитировали как доказательство влияния предрассудков на человеческий дух. В вампиров верили и в центре Просвещения – Париже – в 1749–1750 гг. Распространялись слухи, что Людовик XV для лечения проказы принимает ванны из крови младенцев. Это уже выглядело как узаконенный вампиризм, поэтому ниспровергало представление о монархе как о сакральном целителе. Развенчание сакрального образа монарха будет иметь губительные последствия в конце XVIII в. Вампиры и сверхъестественное также фигурировали в литературе. Примеров можно приводить много, что само по себе доказывает интерес публики к таким темам и ее предрасположенность верить в оккультное или хотя

бы любопытство к подобным вопросам.

Но наибольшее значение вера в потустороннее играла в жизни крестьян. Непосредственно в XVIII в. писали, что неопределенность сельскохозяйственной жизни воспитывала в крестьянах настоящее смирение и чувство зависимости от факторов, которые нельзя было контролировать. Трудно не согласиться с этим. Мир крестьян был миром анимизма, он был населен духами, смерть не обязательно препятствовала дальнейшей деятельности, опыту и вмешательству умерших в жизни живущих. Для всех регионов Европы характерны культы предков с небольшими различиями в деталях ритуалов и взаимодействия с умершими. В этом мире Дьявол напрямую вмешивался в жизнь и дела человека. В 1727 г. кардинал Флери, французский министр, был уверен в том, что Дьявол способен избивать своих подданных-людей. Также широко была распространена вера в фей. В неизлечимых болезнях обвиняли враждебные внешние силы. Большую часть времени люди проводили в темноте: в отсутствие луны ночь в сельской местности была кремешной тьмой. В домах тоже было сумеречно, когда зажигали свечи, и темно, когда их тушили. Это усиливало атмосферу страха.

Однако следует понимать, что популярные религиозные верования, хотя и далекие от учения официальной церкви, не представляли собой альтернативную религию. Языческие обычаи – это не то же самое, что язычество. Такие верования и обычаи сосуществовали или переплетались с христианскими аналогами без ощущения какой-либо несовместимости, особенно среди простых мирян в сельской местности.

Поскольку старые суеверия незначительно утратили свою власть в сельской местности, можно предположить, что культурная пропасть между народными и элитарными верованиями стала шире, чем в XVII в., и что такие распространенные вещи, как вера в астрологию, спустились вниз по социальной лестнице. Действительно, с одной стороны, мы видим, что многие богатые и хорошо образованные люди потеряли веру в магическое исцеление, пророчества и колдовство. В культуре элиты важную роль играла мода, а в XVIII в. все большее количество печатных работ распространяло знания, считавшиеся желательными, и взгляды, соответствующие человеку из высшего общества. Однако популярность чудесных медицинских исцелений и

мода во Франції 1780-х гг. на теорію животно-магнетизма австрійського врача Месмера показують, що неверно було б розглядати культуру еліти як в некоторому роді краще інформовану і більш освічену.

На всіх рівнях суспільства було бажання зрозуміти ворожу середовище і впоратися з страхами, які вона внушала, і непередбачуваної авантюрою, якою була життя. Це був пошук стабільності в, по суті, нестабільному світі, спроба примирити божественну справедливість з людськими стражданнями і упорядкувати досвід таким чином, щоб він відображав суворої і випадковий сутність життя. Так, в Іспанії були дуже популярні і часто перевидавалися керівництва по благочестю, релігійні трактати і проповіді, в яких підкреслювалися переходяча природа земної життя і духовні небезпеки, з якими стикаються багаті люди.

Сталкнувшись з бідствами, громади і окремі особи зверталися до церкви. Вважалося, що Бог дає засоби для лікування всіх хвороб, якщо тільки вони можуть бути виявлені. В 1775 г., через місяць після того, як хімічні досвіди Джозефа Пристлі були продемонстровані в Дижонській академії, звонили в колокола, щоб відганяти бурю. В 1725 г., коли Парижу загрожувало наводнення і неурожай, релікварій місцевої святої покровительниці Женевьєви пронесли процесією в надії зупинити сильний дощ [8, с. 119]. В 1755 г. венеційські владі, сталкнувшись з нехваткою питтєвої води, виставили напоказ статую Діви Марії. В 1756 г. король Сардинії Карл Еммануїл III і його сім'я прийняли участь в торжествах в Туринському соборі, щоб віддати подяку за те, що місто пережив недавнє землетрясіння відносно нешкідливим. В січні 1765 г. во Флоренції були призупинені всі громадські розваги і проведені публічні молитви о поверненні гарної погоди, так же було в Мілані в 1765 і 1766 гг. В початку 1788 г. сильний шторм на северо-западному узбережжі Франції був зустрінутий торжественними процесіями до церков і нічними мессами [8, с. 119].

Ми бачимо по цих прикладах, що вороже середовище розумілося з точки зору возмезддя людині за неправильну поведінку. Відповідно, була надія отримати прощення добрими ділами, або релігійним служінням, або задоволенням требо-

ваний окультного світу. Таким чином, стало можливим створити космологію, прийнятну як з християнської, так і з нехристиянської точки зору. Для багатьох християнське і нехристиянське були не альтернативою, а, скоріше, тісно пов'язаними між собою переконаннями і моделями мислення.

І все ж в деяких колах оспаривали ідею божественного втручання. Почти всі письменники в Австрійських Нідерландах, обговорюючи лісабонське землетрясіння 1755 г., інтерпретували його як Божий суд, але не всі були згодні з такою трактовкою. Наприклад, німецький філософ І. Кант відреагував на трагічну подію науковим дослідженням причин землетрясіння [10].

Пошуки божественної підтримки не обов'язково означали пасивність людей, особливо на рівні громади. Хоча оточуюче середовище сприймалося як вороже людині, тим не менше була велика активність, направлена на подолання наслідків. Будь то очищення від відходів або осушення голландських польдерів і середземноморських мальйських боліт, прослідковувалася чітка відповідальність з попереднім століттям, а в багатьох областях – відновлення діяльності після серйозних воєн періоду 1688 – 1721 гг. Наука почала змінювати відносини між людиною і оточуючим середовищем: деякі будівлі були побудовані краще, від блискавиць захищали блискавооди, а з деякими хворобами навчилися боротися. Однак з'являється і нова біда, наслідком якої стає екологічний шкода. В 1714 г. французький посол в Лондоні неодноразово скаржився на те, як на його дихання впливає угольний дим, окутує місто [11, с. 57]. Також як приклад можна привести те, що опалені скелі колишніх лісів піддавалися серйозній ерозії.

Заключення

Як ми можемо судити, в XVIII в. прогресс, досягнутий в боротьбі з ворожою середовищем і катастрофами, які так важко зачіпали окремих людей і суспільства, був ще недостатньо обмеженим. Для громади, населення якої росло, як правило, стикалися з серйозними проблемами по мірі того, як зростало тиск на постачання продовольством і рівень життя. Цей обмежений прогресс був також результатом пануючих поглядів епохи. З однієї сторони, поступово розвиваються медичні знання і спостерігається деякий прогресс в лікуванні

определенных болезней. Во многих странах проводятся меры по защите от природных бедствий и попытки реформирования общества на рациональной основе. Применяются научные открытия, облегчающие жизнь, такие как молниеотвод. С другой стороны, народный консерватизм играл важную роль в препятствовании правительственным планам перемен. Изменить традиционный образ мышления было очень непросто. Люди предпочитали понятные и традиционные объяснения происходящего, тем более крестьяне, которые не читали трактаты с научными объяснениями явлений. Ради справедливости следует сказать, что не все явления тогдашняя наука могла объяснить, а существовавшие объяснения не всегда были убедительными, не говоря уж об их серьезной научной составляющей. Таким образом, окружающая среда воспринималась в большей степени как враждебная человеку, а в духе идей Просвещения разрабатывались идеи того, как человек при помощи разума сможет укротить природу и поставить ее себе на службу. Но пока что это были даже не столько конкретные предложения, сколько вера в идею господства человека над природой в будущем.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Breathnach, C. S.** Bernardino Ramazzini and his treatise of the diseases of tradesmen / C. S. Breathnach // *Irish Journal of Medical Science*, 169(1). – January, 2000. – P. 68–71.
2. **Lindemann, M.** *Medicine and Society in Early Modern Europe* / M. Lindemann. – Cambridge University Press, 2010. – 314 p.
3. **Panciera, W.** *The Republic of Venice in the 18th Century* / W. Panciera. – [Viella Editrice, 2021. – 142 p.
4. **Bronza, B.** Austrian measures for prevention and control of the plague epidemic along the border with the Ottoman Empire during the 18th century [Electronic resource] / B. Bronza. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/338184126_Austrian_measures_for_prevention_and_control_of_the_plague_epidemic_along_the_border_with_the_Ottoman_Empire_during_the_18th_century. – Date of access: 25.06.2024.
5. **Faber, J. A.** Cattle-plague in the Netherlands during the eighteenth century [Electronic resource] / J. A. Faber. – Mode of access: <https://edepot.wur.nl/287377>. – Date of access: 26.06.2024.
6. **Vallat, F.** An outbreak in France in the XVIIIth Century: Rinderpest [Electronic resource] / F. Vallat. – Mode of access: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1631069112000285>. – Date of access: 26.06.2024.
7. **Ljungqvist, F. Ch.** Famines in medieval and early modern Europe – Connecting climate and society [Electronic resource] / F. Ch. Ljungqvist, A. Seim, D/ Collet. – Mode of access: <https://wires.onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1002/wcc.859>. – Date of access: 28.06.2024.
8. **Black, J.** *France: A Short History* / J. Black. – Thames & Hudson, 2021. – 256 p.
9. **Pilaszek, M.** *Procesy o czary w Polsce w wiekach XV–XVIII* / M. Pilaszek. – Kraków : Universitas, 2008. – S. 554.
10. **Гусяков, В. К.** Потрясение Европы [Электронный ресурс] / В. К. Гусяков // Наука из первых рук. – 2022. – 19 мая. – Т. 93, № 5/6. – Режим доступа: <https://scfh.ru/papers/potryasenie-evropy/>. – Дата доступа: 02.07.2024.
11. **Pittock, M.** *Enlightenment in a Smart City: Edinburgh's Civic Development, 1660–1750* / M. Pittock. – Edinburgh University Press, 2018. – 296 p.

Поступила в редакцию 06.10.2024 г.

Контакты: climut@m.msu.by (Климуть Лада Ярославовна)

Klimout L. Ya. THE IMPACT OF DISEASES AND ENVIRONMENT ON THE EUROPEAN POPULATION IN THE XVIII CENTURY

People in the XVIII century saw environment as generally hostile to them. The negative perception of reality was aggravated by the problems people faced, such as diseases, forces of nature and collective fears for which there were no adequate solutions. Nevertheless, there were attempts to improve human existence in this hostile environment using measures available at the time.

Keywords: population, XVIII century, disease, demographic factors, environment.